УДК 808.1

DOI: 10.15593/2224-9389/2016.3.2

Г.А. Баева

Санкт-Петербургский государственный
университет, Санкт-Петербург, Россия

Получена: 07.09.2016

Принята: 10.09.2016

Опубликована: 30.09.2016

АВТОРИЗАЦИЯ РЕЧИ В ДРЕВНИХ НЕМЕЦКИХ ПАМЯТНИКАХ

В статье на материале древненемецких произведений («Песнь о Хильдебранте», «Песнь о Георге», «Евангельская гармония», «Муспилли» и др.) рассматриваются варианты реализации авторских комментариев (отступлений, ремарок). Авторы произведений выступают в качестве метасубъекта речи. Будучи метанарративным элементом, авторский комментарий может служить средством самопрезентации автора, выражения его мнения относительно формы и содержания высказывания и пр. При этом ключевыми функциями будут организация текстового пространства и оптимизация процесса рецепции произведения. Роль авторского комментария и объем выполняемых им функций обусловлены конкретным жанром и стилем, особую же значимость они приобретают в произведениях, созданных в отдаленные эпохи. Авторское присутствие определяется «повествовательными техниками» и «содержательными оценками» (К. Фелькель). Согласно другой классификации выделяются контактоустанавливающие, эмоционально-оценочные и интерпретационные функции авторского присутствия. Особый интерес в произведениях древненемецкой культуры вызывают комментарии эвиденциального характера, а также комментарии, прогнозирующие и иницирующие ближайшую деятельность адресата. На материале указанных выше произведений анализируется комплекс лексико-грамматических средств авторского «вторжения», а именно специфика самономинаций, вступительных форм, глагольных форм, модальных лексем, выражающих когнитивную установку автора, риторических приемов, эвиденциально-эпистимических конструкций констатирующего характера и пр. Наиболее репрезентативными в древненемецких памятниках являются конструкции с авторско-сказительским «Я», отражающие владение некоторым объемом знаний. Эвиденциальность знаний акцентируется ссылками на устные и письменные источники, наиболее авторитетным из которых является Евангелие.

Ключевые слова: коммуникация, комментарий, автор, авторское «я», эвиденциальность, древненемецкий, формула.

G.A. Baeva

Saint-Petersburg State University,
Saint-Petersburg, Russia

Received: 07.09.2016

Accepted: 10.09.2016

Published: 30.09.2016

AUTHORIZATION OF NARRATION IN OLD GERMAN LITERARY WORKS

The article focuses on the author's comments (remarques) found in the Old German classic works like Hildebrandlied, Georgslied, Otfriids Evangelienbuch, Muspilli and others. Writers are considered to be metasubjects. Being a metanarrative element, an author's comment can serve as a means of the teller's self-presentation, expression of his views on the form and content of the statements and so forth. In doing so, the key functions are organizing the text space and optimizing the process of the text reception. The role of the author's comment and the set of its functions is conditioned by specific genre and style. Special significance author's comments gain in the literary works created centuries ago. An author can express him- or herself using "narrative techniques" and "meaningful assessments" (K. Felkel). According to another classification, phatic, emotional and interpreting functions of the author's presence are defined. Of particular interest in the works of Old German culture are evidential comments, as well as those foreseeing and initiating the soonest activities of a recipient. On the materi-

al of the aforementioned works we analyze a complex of lexical and grammatical means of the author's "invasion", namely self-nomination, introductory patterns, verb forms, modal items expressing cognitive position of the author, rhetorical devices, evidential-epistemic constructions and so on. The most popular constructions in Old German works are I-constructions testifying to possession of some knowledge. Evidentiality of the knowledge is emphasized by references to oral and written sources, the Gospels being the most influential among them.

Keywords: *communication, comment, author, author's selfexpression, evidentiality, Old High German, pattern.*

Авторы, сказители и повествователи, создававшие свои произведения в отдаленные от нас эпохи, комментируя речевое поведение персонажа – исходного субъекта речи и свое собственное, принимают в тексте позицию метасубъекта речи, координируют восприятие и усвоение реципиентом (слушателем или читателем) не только развитие сюжета, но и их собственную авторскую позицию [1, с. 16; 2, с. 48].

На уровне авторской коммуникации отношения сказителя-повествователя и реципиента реализуются прежде всего через авторские комментарии или, в другой терминологии, авторские отступления, ремарки, текстовые комментарии [Ср.: 3, с. 18; 4, с. 73; 5, с. 31]. Авторский комментарий представляет собой метанарративный элемент, служащий для организации внутритекстового пространства, посредством которого автор или рассказчик определенным образом включает в текст себя самого, свои собственные речевые действия, выражая тем самым свое отношение к продуцируемому им высказыванию, к его содержанию и форме, а также презентуя себя самого [6, с. 299].

Функции авторского комментария состоят прежде всего в оптимизации и управлении процессом рецепции, а также в обеспечении обзорности и связанности повествовательного пространства для лучшей ориентации читателя или слушателя в тексте повествования. Роль авторского комментария и его функциональное назначение различны в разных по жанру и стилю произведениях и могут быть определены в диапазоне от практически нулевого до очень значительного. Особый вес они приобретают в произведениях отдаленных от нас эпох, которые первоначально предназначались для декларации и чтения вслух и лишь значительно позже обрели так называемых «тихих» читателей. Именно ориентация на адресата и определяет в них специфику авторского комментария и авторского «Я» [7, с. 98].

Авторское присутствие, своеобразная «интервенция» в повествование определяется, по мнению К. Фелькель, «повествовательными техниками» (Erzähltechniken) и «содержательными оценками» (inhaltliche Wertungen), которые можно рассматривать как структурирующие (gliedernde), заверяющие (beglaubigende), продвигающие сюжет (weiterführende), визуализирующие (veranschaulichende) и дидактические (didaktische) вставки [8, с. 67–212]. В другой классификации и терминологии функции авторского присутствия в тексте повествования можно определить как контактоустанав-

ливающие, эмоционально-оценочные и интерпретационные [9, с. 259]. Как показывает материал исследования, выявление, становление и развитие этих функций и степень их проявления различны в зависимости от времени записи произведения и его жанра. Для древненемецкого материала особый интерес представляют авторские заверяющие комментарии эвиденциального характера и комментарии, прогнозирующие и иницирующие ближайшую деятельность адресата.

В древнейшем немецком памятнике «Песнь о Хильдебранте»*, записанном в начале IX века, повествование о поединке ведётся из уст рассказчика, который не спеша и довольно подробно сообщает о событиях, предшествующих бою. Он чередует свои воспоминания об описываемых событиях с передачей речи самих участников, ссылками на достоверные слова героев, тем самым оживляя и драматизируя свой рассказ [10, с. 20–28]. Повествование сказитель начинает с самономинии «Ik» и указания на то, что эту историю он слышал много раз:

1) Ik gihôrta dat seggen, / dat <...> (Hildebrandlid 1) Ich hörte das erzählen, dass <...>

В этой первой фразе, переданной не совсем типичной для немецкого языка конструкцией *accusativus cum infinitive*, глагол *gihoren* имеет не только сему многократного повторения действия, но и сему, указывающую на достоверность речевого действия [11, с. 86], что в переложении на современный немецкий язык часто передается через лексему *glaubwürdig* «достоверно». Степень достоверности оказывается для сказителя очень важной, ибо далее в тексте «Песни» он дважды, но уже в речи воина, указывает на источник информации, ссылаясь в первом случае на «наших» людей, «старых и мудрых», а во-втором, на моряков:

2) dat sagetun mi usere liuti, / alte ante frote, dea erhina warun (Hildebrandlid 15). Das sagten mir unsere Leute, alte und weise, die früher lebten

3) dat sagetun mi seolidante / westar ubar wentilseo (Hildebrandlid 42). Das sagten mir die Seefahrer, / die westlich über das Weltmeer fuhren.

Схожий источник информации – расспросы людей, но в исполнении самого автора, встречаем в «Вессобрунской молитве»:

4) Dat gafregin ich mit firahim firiuuizzo meista, dat <...> (Wessobrunner Schöpfungsgedicht 1) Das erfragte ich bei den Menschen als der Wunder größtes, dass <...>

В другом древневерхненемецком памятнике «Муспилли»**, поэме о страшном суде, в середине сохранившегося небольшого отрывка использу-

---

* Hildebrandlid // Älteste deutsche Dichtung und Prosa / hrsg. von H. Mettke. Leipzig, 1979.

** Muspilli // Älteste deutsche Dichtung und Prosa / hrsg. von H. Mettke. Leipzig, 1979.

ется та же вступительная формула, что и в «Песне о Хильдебрандте»: она начинается с указательно-обобщенного местоимения в анафорической функции, коррелирующего с объектным придаточным. Далее следует конструкция *accusativus cum infinitive*, образованная глаголом слухового восприятия в 1-м лице единственного числа прошедшего времени и инфинитивом глагола *rahhōn* в значении «*sagen, sprechen, erzählen, erörtern*» [11, с. 147]:

5) *daz hōrtih rāhhōn dia uueroltrehtuūison, daz ...* (Muspilli 37). *Das hörte ich erzählen die Weisen des weltlichen Rechts, dass ...*

Степень достоверности услышанного оказывается для сказителя очень важной: он указывает на источник информации, ссылаясь на благочестивых людей «*uueroltrehtuūison*». Эта фраза, с одной стороны, снимает со сказителя ответственность за эвиденциальность информации и, с другой стороны, позволяет ему прервать рассказ, вмешаться в повествование, напомнить о себе, переключить внимание слушающих, что было очень важно для устной рецепции. Установление контакта между автором и читателем, т.е. разговор сказителя с публикой, проходит здесь в традициях народной поэзии (ср. также начало «Песни о нибелунгах»: *uns ist in alten mæren wunders viel geseit*) [12, с. 19].

Совсем по-другому начинается одна из хвалебных песен, посвященных победе Людовига III над норманнами. В сильной позиции текста, в самом начале, сказитель с помощью авторской номинации (1-е лицо ед.ч.) и глагола-сказуемого *verba cognoscendi* (*wizzan*) сразу вводит главное действующее лицо – короля, обозначая его вначале лексемой *kuning*, с числительным (*ein*), на основе которого постепенно формируется неопределенный артикль, затем во второй строфе называет его по имени.

6) *Einan kuning uueiz ih, / Heizsit her Hluduīg* (Ludwigslied 1) * *Einen König kenne ich, er heißt Ludwig.*

Схожий пример встречаем в «Песне о Георге» **: здесь трижды используется одна и та же фраза с глаголом *wizzan*, приобретающая в контексте «Песни» определенную формульность «Я знаю это и это – правда», в которой соединяются эвиденциальный и эпистимический планы высказывания:

7) *Daz weiz ich, daz ist alawâr: ûf irstuont sih Gorīa dâr* (Georgslied 5.6; 6.4; 7.7). *Das weiß ich, das ist völlig wahr, Georg erstand [vom Tode] da.*

Богатейший материал авторской саморефлексии дает поэма «Евангельская гармония», написанная первым немецким поэтом, известным по имени

---

* Ludwigslied // *Älteste deutsche Dichtung und Prosa* / hrsg. von H. Mettke. Leipzig, 1979.

** Georgslied // *Älteste deutsche Dichtung und Prosa* / hrsg. von H. Mettke. Leipzig, 1979.

Отфрид, вейсенбургским монахом*. Не только новая стихотворная форма – отказ от аллитерационного стиха и следование латинским церковным гимнам с конечной рифмой, но и определенная свобода в передаче содержания дают автору возможность вмешиваться в повествование. Прежде чем начать изложение жизни и страстей Иисуса Христа, Отфрид в посвящениях, своеобразных прологах-зачинах, воспекает хвалу франкскому королю Людовику. Вначале автор ограничивается скромной самоминацией с выражением сомнения в достижении своей коммуникативной цели: «Могу ли я осмелиться воспеть ему хвалу»:

8) Oba ih thaz irwellu theih sinaz lob zellu (Otfrid, Ludowicum).

9) Wenn ich nun versuche, sein Lob zu verkünden.

Затем прославление короля идет уже от имени коллективного автора – «wir», к которому Отфрид относит себя, слушателей и весь народ франкский, процветающий благодаря славным победам своего правителя:

10) Nu niazen wir thio guati joh fridosamo ziti (Otfrid, Ludowicum 29). Wir leben jetzt glücklich, in friedvollen Zeiten.

11) Eigun wir thia guati, gilicha theganheiti (Otfrid, Ludowicum 45). Wir finden die gleiche Vollkommenheit.

Интересен следующий пример, в котором модальная лексема *giwisso* служит для передачи когнитивной установки автора, указывающей на уверенное знание. Далее следует эмоциональное заверение «Этого я от тебя не скрою / не утаю», особая категоричность которого подчеркивается отрицательной семантикой глагола-сказуемого и отрицательной частицей:

12) Giwisso, thaz ni hiluh thih, thulta therer samalih /arabeito ginuag (Otfrid, Ludowicum 47). Wahrlich, das verhehle ich dir nicht, in gleicher Weise / duldest dieser vielfältige Mühe

Описанная выше структура приобретает у Отфрида своеобразную формульность и многократно используется в тексте «Гармонии» [13, с. 138]. В примере (13) для передачи когнитивной установки говорящего служит конструкция *thaz ist funtan*, близкая современному результативному пассиву, свидетельствующая о подлинности описываемого положения дел и относящаяся благодаря инклюзивному *wir* в следующей фразе как к автору, так и к реципиенту. Затем следует авторская ремарка «Я так считаю»:

13) Uanta thaz ist funtan, unz wir haben nan gisuntan / thaz leben wir, so ih meinu, mit frewi joh mit heil (Otfrid, Ludowicum 80–81) Denn das ist erwiesen: Solange er gesund in unserer Mitte weilt / können wir, wie ich meine, froh und getrost leben.

Рассмотрим еще одно посвящение, предваряющее основной текст «Гармонии»: посвящение учителю Отфрида – Саломону, который во времена

---

* Otfrids Evangelienbuch / Hrg. Von Oskar Erdmann. Tübingen, 1973

Людовига Немецкого, будучи епископом Констанца (839–871), являлся одним из могущественных и влиятельнейших людей на восточно-франкской территории. После просьбы об оценке проделанного им труда Отфрид вводит себя в текст посвящения, указывая, что эту книгу он посылает в Швабию:

14) Lekza ih therera buachi iu sentu in Suabo richi (Otfrid Salomon 5). Ich sende den Text dieses Buches zu Euch ins Schwabenland.

Далее следуют типичные для посвящения восхваления мудрости и прозорливости епископа, пропущенные здесь через авторское «Я», ибо «я сам часто использовал его мудрость и ум, и именно эти качества я хочу прославить»:

15) Mir warun thio iuo wizzi ju ofto filu nuzzi, / iueraz wisduam; thes duan ih mihilan rua (Otfrid Salomon 9–10) Mir war Eure Klugheit schon oft von großem Nutzen / und Eure Weisheit; das will ich rühmend erwähnen.

Прославляя своего учителя, Отфрид использует риторический прием *captatio benevolentiae*, своего рода «снискания расположения», подчеркивая важность «всего самого ценного», полученного от «слова» Саломона:

16) Ofto irhugg ich muates thes managfalten guates, / thaz ir mih lertut harto iues selbes wort (Otfrid Salomon 11–12). Oft denke ich für mich an all das Wertvolle, / das Ihr mich eifrig durch Euer Wort gelehrt habt.

В некоторой степени допуская несовершенство своего произведения, в финальных комментариях автор продолжает диалог с публикой и своим учителем и просит своеобразного благословения: «и если я имею позволение отважиться ...»:

17) Oba ih irbalden es gidar, ni scal ih firlazan iz ouh al / nub ich io bi iuih gerno ginada sina ferg (Otfrid Salomon 33–34) Una wenn ich es wagen darf, mich zu erkühnen, so werde / ich es nie unterlassen.

В отдельных главах «Евангельской гармонии» самопрезентация автора представлена в основном в эвиденциально-эпистемических конструкциях констатирующего характера [14, с. 407], в которых автор подчеркивает правильность своего повествования, ибо оно основано на компетентном источнике – книгах, под которыми подразумеваются книги Евангелия. Ссылка на источник дает автору возможность использовать разные «эвиденциальные стратегии» [15, с. 105]. Приведем некоторые примеры:

18) Las ich iu in alawa in einan buachon (ich weiz war) / sie in sibbu joh in ahtu sin Alexandres slahtu (Otfrid I 1 87–88). Ich habe wahrhaftig in gewissen Büchern gelesen (ich weiß die Wahrheit) / sie [die Franken] seien nach Herkunft und Rang verwandt mit Alexander.

19) Joh fand in theru redinu, thaz fon Macedoniu / ther liut in in giburti gisceidiner wurti (Otfrid I 1, 91–92). In jenem Bericht fand ich, dass die Makedonier / und dieses Volk durch Ausgliederung aus einem gemeinsamen Ursprung entstanden sind.

20) Er waz thaz frumikidi /Thaz zellent evangelion al so ih thir redion / iz sagent filu scono thie selbun buah frono (Otfrid IV 34, 12–14). Er [Jesus] war der Erste [Auferstandene] / Das berichten die Evangelien, so wie ich es dir auch mitteile/ Das sagen auch selbst die heiligen Bücher auf ihre wundervolle Art.

21) Thio buah duent unsih wisi, er Kristes altano si / joh zellent uns ouh mari, sin sun sin fater wari (Otfrid I 3, 15–16). Die Bücher tun uns kund, er [Abraham] sei Christi Ahnherr / und teilen uns mit, dass sein Sohn Christi Vorfahr gewesen sei.

Номинация источника информации осуществляется следующими лексемами: buah, evangelion, redina, mari, lera и соответствующими глаголами: zellen, sagen, lesen, duen wisi: книга рассказывает, сообщает, упоминает и т.п. В качестве адресата выступает инклюзивное wir, но затем, как правило, в текст вводится автореференция и дается ссылка «Как я сообщаю», при этом адресат может быть как множественно-инклюзивный wir, так и одиночный du. Такие же автореферентные ссылки появляются в тексте «Гармонии» в призывах слушать и следовать учению и правилам, изложенным в Евангелиях. Для подкрепления авторитетности и надежности, а также и в дидактических целях автор указывает уже себя как источник информации, делая сноски «Как я говорю/сказал» или уточняющие ссылки «Я имею в виду/ я считаю», построенные по аналогии со ссылками на Евангелия. Ср. примеры 22, 23 и 24:

22) Hugi weih thir sageti, ni wis zi dumpmuati./firnim thesa lera, so zellu ich thir es mera:/ Ich meinu sancta Mariun, kuningin thia richun (Otfrid I 3, 29–31). Bedenke, was ich dir sagte, sei nicht stumpfen Sinnes, /höre dieser Lehre zu, so erzähle ich dir mehr davon:/Ich meine Sancta Maria, die mächtige Königin.

23) Lis selbo theih thir redinon (Otfrid III 14, 4). Lies selbst nach, was ich dir sage.

24) Thria stunton finzug (thes duent buah thar gihugt) / ouh thri, so ih thir redion (thaz zellent evangelion) (Otfrid V 13, 19–20) Dreimal fünfzig (das erwähnen da die Bücher) / und noch drei, wie ich es dir sage (das berichten Evangelien).

Подводя итог, можно сказать, что одна из функций древненемецких памятников как способа представления различных типов знания заключается в передаче межличностных отношений, когда говорящий (сказитель, поэт, рассказчик) выступает перед слушателем и включает в текст себя самого и свои собственные речевые действия комментирующего характера. Наиболее репрезентативны в древневерхненемецких памятниках конструкции с авторско-сказительским «Я», указывающие на обладание теми или иными знаниями. Эвиденциальность этих знаний подчеркивается указанием на устные и письменные источники, авторитетнейшим из которых является Евангелие.

Список литературы

1. Baeva G. Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman // *Medievals. Etudes Medievals* 15. – Amiens, 2013. – S. 14–21.
2. Baeva G. Der Erzähler und sein Publikum in der mittelhochdeutschen Dichtung // *Medievals* 60. T. 1. – Amiens, 2016. – S. 46–58.
3. Арнольд И.В. Коммуникативно-прагматическая функция авторских комментариев // *Коммуникативные единицы языка: тезисы докл. всесоюз. науч. конф.* – М.: Изд-во МГПИИЯ, 1984. – С. 16–19.
4. Гончарова Е.А. Пути лингвостилистического выражения категорий автор-персонаж в художественном тексте. – Томск: Изд-во Томск. гос. ун-та, 1984. – 149 с.
5. Бондарева Л.М. Прагматика авторского комментария в текстах ретроспективной направленности // *Коммуникативно-прагматические аспекты лингвистических исследований: сб. науч. тр.* – Калининград: Изд-во Калинингр. гос. ун-та, 1999. – С. 29–35.
6. Баева Г.А. Авторский комментарий в немецких рыцарских романах // *Язык как система, деятельность и пространство мысли: монография памяти проф. В.Я. Мыркина / отв. ред. Л.Ю. Щипицина.* – Архангельск, 2015. – С. 298–310.
7. Олейник М.А. Адресатный план и динамическая языковая картина мира. – СПб., 2006. – 165 с.
8. Voelkel C. Der Erzähler im spätmittelalterlichen Roman. – Frankfurt/Main; Bern; Las Vegas: Lang, 1978. – 365 s.
9. Сабанеева М.К. Художественный язык французского эпоса: Опыт филологического синтеза. – СПб., 2001.
10. Баева Г.А. Проблемы исторической реконструкции коммуникативно-прагматических категорий в диахронии: Так о чем же говорили Хильдебрант и Хадубрант? // *Очерки по исторической прагматике германских языков / отв. ред. Г.А. Баева.* – СПб., 2012. – С. 20–28.
11. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen: Niemeyer, 1969.
12. Petsch R. Formelhafte Schlüsse im Volksmärchen. – Berlin, 1900.
13. Нефедов С.Т. Коммуникативная модальность и эпистемические модальные компоненты в немецком языке (синхрония и диахрония). – СПб., 2007. – 200 с.
14. Kotin M., Schönherr M. Zum Verhältnis von Epistimität und Evidentialität im Deutschen aus diachroner und typologischer Sicht / *Zeitschrift für deutsche Philologie*. Nr. 3. – 2012. – S. 393–416.
15. Aikhenvald A. Evidentiality. – Oxford: University Press, 2004.

References

1. Baeva G. Sprachliche Mittel zum Ausdruck der Autorenpräsenz im mittelalterlichen Tristan-Roman. *Medievals. Etudes Medievals* 15. Amiens, 2013, pp. 14–21.
2. Baeva G. Der Erzähler und sein Publikum in der mittelhochdeutschen Dichtung. *Medievals* 60, Tome 1. Amiens, 2016, pp. 46–58.
3. Arnol'd I.V. Kommunikativno-pragmatische funktsiia avtorskikh kommentariiev [Communicative-pragmatic function of author's comments]. *Tezisy dokl. vsesoiuz. nauch. konf. "Kommunikativnye edinitsy iazyka"* [Proc. All-Soviet Sci. Conf. "Communicative units of language"]. Moscow, MGPIIA, 1984, pp. 16–19.

4. Goncharova E.A. Puti lingvostilisticheskogo vyrazheniia kategorii avtor-personazh v khudozhestvennom tekste [The ways of linguistic-stylistic expression of author-character categories in fiction]. Tomsk, Izd-vo Tomsk. gos. un-ta, 1984. 149 p.
5. Bondareva L.M. Pragmatika avtorskogo kommentariia v tekstakh retrospektivnoi napravlenosti [Pragmatics of author's comments in retrospective texts]. *Kommunikativno-pragmaticheskie aspekty lingvisticheskikh issledovaniy* [Communicative-pragmatic aspects of linguistic studies]. Kaliningrad, Kaliningr. gos. un-t, 1999, pp. 29–35.
6. Baeva G.A. Avtorskii kommentarii v nemetskikh rytsarskikh romanakh [Author's comment in German books of chivalry]. *Iazyk kak sistema, deiatel'nost' i prostranstvo mysli* [Language as a system, activity and cognitive space]. Ed. by L.Iu. Shchipitsina. Arkhangel'sk, 2015, pp. 298–310.
7. Oleinik M.A. Adresatnyi plan i dinamicheskaia iazykovaia kartina mira [Recipient plan and dynamic language picture of the world]. Saint-Petersburg, 2006. 165 p.
8. Voelkel C. Der Erzähler im spätmittelalterlichen Roman. Frankfurt/Main; Bern; LasVegas, Lang, 1978. 365 p.
9. Sabaneeva M.K. Khudozhestvennyi iazyk frantsuzskogo eposa: Opyt filologicheskogo sinteza [Literary language of French epos. Philological synthesis]. Saint-Petersburg, 2001.
10. Baeva G.A. Problemy istoricheskoi rekonstruktsii kommunikativno-pragmaticheskikh kategorii v diakhronii: Tak o chem zhe govorili Khil'debrant i Khadubrant? [Issues of historical reconstruction of communicative-pragmatic categories in diachrony: What did Hildebrand and Hadubrant talk about?]. *Ocherki po istoricheskoi pragmatike germanskikh iazykov* [Essays on historical pragmatics of German languages]. Ed. by G.A. Baeva. Saint-Petersburg, 2012, pp. 20–28.
11. Schützeichel R. Althochdeutsches Wörterbuch. Tübingen: Niemeyer, 1969.
12. Petsch R. Formelhafte Schlüsse im Volksmärchen. Berlin, 1900.
13. Nefedov S.T. Kommunikativnaia modal'nost' i epistimicheskie modal'nye komponenty v nemetskom iazyke (sinkhroniia i diakhroniia) [Communicative modality and epistemic modal components in German language (Synchrony and diachrony)]. Saint-Petersburg, 2007. 200 p.
14. Kotin M., Schönherr M. Zum Verhältnis von Epistimität und Evidentialität im Deutschen aus diachroner und typologischer Sicht. *Zeitschrift für deutsche Philologie*, 2012, no. 3, pp. 393–416.
15. Aikhenvald A. Evidentiality. Oxford, Oxford University Press, 2004.

Сведения об авторе

БАЕВА Галина Андреевна
e-mail: baevaga@mail.ru

Доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой иностранных языков и лингводидактики, Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

About the author

Galina A. BAEVA
e-mail: baevaga@mail.ru

Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Linguodidactics, Saint-Petersburg State University (Saint-Petersburg, Russia)